

ГВАТЕМАЛА 420 г. от Р. Х.

Спал я плохо, сны мои были отравлены воспоминаниями о великом землетрясении, и когда я встал с постели, люди в нашей деревне все еще пребывали во власти ночной тьмы. Ощущая слабость и пустоту в желудке, я заставил себя поесть немного бананов и белого сыра, что принесла мне накануне вечером моя добросердечная тетушка Нала. Еда была вкусной, сочной, и тело мое взбодрилось, а в голове просветлело. Скорбя, я отказывал себе в пище, но пряность тетушкиной еды заставила меня вернуться к жизни, тогда как от этой жизни я хотел лишь одного — расстаться с нею. Хотя тарелку я опустошил, но не насытился и потому срывал с деревьев спелые авокадо, совершая ежедневное паломничество в Йаш-Мутуль*.

По дороге к Северному Акрополю** я прошел мимо мастерской, где последние несколько лет мастерил сандалии как для мужчин, так и для женщин. Ремесло было выгодным и вдобавок моим любимым делом, так что за эти годы я изрядно преуспел. С юной поры я придумывал обувь для матери и сестры, и хотя отец лупил меня за это, сапожное дело было моей страстью, что лишь еще больше принижало меня в глазах отца.

* Столица государства майя — Мутульского царства, существовавшего в I—IX вв. на территории современной Гватемалы. Ныне городище Тикаль.

** Архитектурный комплекс в Тикале, служивший царским некрополем на протяжении 1300 лет.

— Сандалии. — Он выплевывал это слово, будто кислоты поел. — Мой сын тратит время на такую ерунду, это надо же!

— А ты бы предпочел ходить босиком по острым камням, что торчат на наших тропинках? — спрашивал я, ибо, повзрослев и обретя некоторую уверенность в себе, я позволял себе, не без удовольствия, поддразнивать отца. — Если ты предпочитаешь ступни, кровавые от порезов, тогда, будь добр, верни мне ту пару, что ты носишь сегодня.

Работа моя была одновременно кропотливой и увлекательной. Я платил охотнику, он приносил мне шкуры животных, я не один день доводил их до ума: размягчал вальком, затем дубил и наконец, после окрашивания, крепил кожу к плетеной подошве. Мой талант, однако, ярче всего проявился в том, что сандалии в моих руках становились не только удобными, но и красивыми. Чтобы добиться такого преобразования, я нанимал деревенских мальчишек и отправлял их на пляж, где они собирали для меня цветные камушки и кусочки стекла, и эти находки я вшивал в кожу. Мужчины предпочитали сандалии попроще, но женщины обожали мои орнаментальные вставки и хвастались друг перед другом, споря, у кого сандалии красивее. Заказов у меня всегда было полно, а однажды, когда в кучке камушков я обнаружил голубую жемчужину с розоватым отливом и вшил ее в носок сандалии, за эту пару мне заплатили так много, что я мог бы с полгода бездельничать, не испытывая ни малейшего стеснения в средствах.

Впрочем, мастерская моя закрылась сразу после великого землетрясения, какого мы прежде не видывали; боги послали его на нас, потребовав отдать им жизни моей жены Латры и нашего нерожденного ребенка, как и жизни многих моих соседей. С тех пор мои дни были пронизаны скорбью, ночи слезами, и когда приходили друзья, желая утешить меня, я гнал их прочь, раздосадованный попытками вернуть меня к жизни. Случалось, я говорил с ними весьма

грубо, и хотя презирал себя за столь безобразные выходки, однако не мог отыскать в своей душе ни толики признательности этим добрым людям.

Мы с Латрой поженились всего за несколько часов до того, как внизу, под нами, послышался странный шум, и сперва мы даже сочли эти звуки смешными — казалось, будто земля урчит от голода. Но вскоре громкий треск раздался и на улицах, почва двигалась у нас под ногами, образуя огромные глубокие расщелины. Я с ужасом наблюдал, как наши престарелые соседи, нетвердо передвигавшиеся на своих двоих, спотыкались и с воплями падали в эти расщелины, простиравшиеся вглубь до самой сердцевины мира. Никто из нас не понимал, что происходит, и тем не менее мы бросились бежать домой в надежде обрести безопасность, несмотря на то что храмы и каменные дома рушились вокруг нас. Мы почти добежали до нашего домика, когда Латра крикнула, что ей нужно передохнуть, потому что ребенок страдает в ее чреве, и я сдуру согласился остановиться. Она села на землю, с трудом переводя дыхание, а я помчался за колодезной водой, чтобы охладить ей лоб и успокоить, но когда я вернулся, она лежала плашмя, придавленная огромным камнем, отвалившимся от разрушенного здания. Глаза у нее были открыты, кровь еще стекала по лбу, но жизнь ее угасла. Я был уверен, что надвигается конец света. Я ошибался, конечно, ибо ближе к ночи земля вдруг присмирела, вновь обрела неподвижность, и тем из нас, кто уцелел, выпало подбирать тела наших мертвых и в горестном оцепенении нести их на кладбища.

С тех пор я каждый день ходил к храмам Тикаля, где Латра обрела вечный покой, сидел у ее могилы, тихонько разговаривая с ней в тщетной надежде, что ее дух услышит мои слова и ответит шепотом ветра либо знаменательным появлением чудесной кетцаль*, и та сядет на мое пле-

* У ацтеков и майя священная птица, инкарнация бога воздуха. Другой титул кетцаль — птица свободы.

чо и запоет на языке, никому не внятном, кроме, быть может, меня.

В ясные дни многие приходили навестить места упокоения своих любимых и близких, однако большинство посетителей не задерживались там, где лежали простые люди, но двигались дальше, к центру Акрополя, где высились башни с украшенными резьбой саркофагами, в которых лежали кости знаменитого семейства ахавов*, что правили нашей страной в прошлом. Эти лицемерные паломники — выскочки на самом деле — картинным жестом клали цветы и залиvisto причитали над древними могилами, дабы охранники заметили их преданность Грозному Небу, правившему нами теперь, как и их беспредельную верность памяти Сыча-Копьметателя, величайшего ахава на свете, чье неизбывное благоволение позволяло миру процветать и впредь.

Меня воротило от позерства этих притворщиков, разве они знали, что такое истинная скорбь? Только кривлялись напоказ. Будь у меня силы, я бы отругал этих тупоголовых, но, конечно, я ничего не сделал и не сказал, сберегая себя для приглушенных разговоров с моей возлюбленной молчуньей Латрой.

Усевшись у места ее захоронения, я подумал об Орфее. Как и я, он был предан искусству, сердце его переполняла музыка, и, как и я, он потерял любимую женщину вскоре после их свадьбы, когда Эвридика погибла от укуса ядовитой змеи. Впоследствии Орфей мог исполнять только печальную музыку, моля богов лишь об одном — о возвращении любимой в мир живых. Горе Орфея склонило богов на его сторону, они, на миг разжалобившись, откликнулись на его просьбу, но с оговоркой: он должен шагать впереди Эвридики,

* Ахав (“владыка”, “господин”, “лидер” и т. п.) — титул представителя знати в государствах майя.

не оборачиваясь на нее ни в коем случае, пока они не покинут прибежище мертвых. Удержаться Орфей не смог, обернулся слишком рано, и в это мгновение, когда он впился глазами в свою возлюбленную, она исчезла навсегда.

Боги не удостоили меня подобной милости. Латру я потерял безвозвратно и загодя решил, что сегодняшнее посещение кладбища станет последним. Больше я не хотел погружаться в воспоминания о моей жене, но хотел увидеть ее во плоти, взять за руку, прижать ее тело к своему телу. Я пришел сказать Латре, что ей и нашему ребенку недолго осталось тосковать в одиночестве в мире ином, ибо вскоре я присоединюсь к ним. Я решился доверить свое тело и душу богине Иш-Таб*, полагая, что она обрадуется моей жертве и проводит меня на небеса, где моя любимая будет ждать меня.

Выйдя с кладбища, я заметил шагавшего по тропе парня, чье лицо мне было знакомо, и окликнул его. Он был тем самым умельцем, что мастерил стелы для захоронений богатеев, изящные деревянные скульптуры, иногда аж в пятнадцать футов высотой. Не каждый мог позволить себе такую роскошь, разумеется, но какая нужда в деньгах тому, кто изготовился уйти из этого мира в следующий? Сколько-то месяцев я любовался стелой, вырезанной этим умельцем для убитого сына богатого купца, и был впечатлен его умением изображать охоту, рыболовство, состязания в беге, метании копья и дротиков, борьбу и восхождение на горные вершины, пусть даже несчастный юнец при жизни не выказывал ни малейших способностей к подобным занятиям. С мастером нам было по пути, и, пока мы шли, я рассказал ему о Латре и попросил изготовить кое-что в ее честь — памятник ей, мне и нашему нерожденному ребенку. Деньги он найдет следующим утром под красным камнем в моей мастерской, сказал я ему, в сумме более чем достаточной за

* В мифах майя богиня самоубийства через повешение.

его старания. Он согласился на мои условия, и, возвращаясь домой, я чувствовал себя удовлетворенным. Пусть наши жизни вскоре забудутся, но памятник нашему существованию останется, и это прекрасное сооружение, возможно, сохранится на века.

Проходя мимо моей мастерской, я, к своему удивлению, обнаружил там моего отца Манрава. Он стоял снаружи, держа за дверные ручки, которые я связал веревками из сизальской пеньки. Отец, увидев, что я подхожу, оглядел меня с ног до головы, на лице его отражались одновременно презрение и жалость. Манрав постарел, чего нельзя было не заметить, его волосы, некогда золотистые, роскошные, поредили и поседели, а шрам на левой щеке будто выщвел на огрубевшей коже. Хотя не в его характере было проявлять сочувствие, после смерти Латры он обращался со мной чуть более дружелюбно.

— У тебя все двери заперты, — отец сердито тряхнул головой, — и только этим утром, пока я стоял здесь, две женщины и мужчина приходили за новыми сандалиями. А потом жаловались мне, что тебя здесь нет и им не к кому обратиться.

— Я больше не занимаюсь сандалиями, — сказал я. — С этой работой покончено.

— Как же так, все это время ты говорил, что рожден сапожником и тебе больше по сердцу обувь шить для чужих людей, чем сражаться на поле боя, как подобает мужчине. Выходит, все это было ложью?

Я не знал, что ему ответить, и не испытывал желания спорить с ним.

— Слезы пора унять, — тихо произнес он, протянув руку и с несвойственной ему нежностью кладя ладонь на мое плечо; впрочем, он быстро опомнился и отдернул ладонь. — Смерть приходит за всеми нами, мой второй по дате рождения сын. Но живые должны шагать и шагать по земле, прежде чем отправиться на покой. Да ты и сам знаешь.